

В.А. КОВАЛЁВ*

**ХЛЕБ ВМЕСТО ПИРОЖНЫХ.
АКТУАЛЬНЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ
ИЗ ПРОШЛОГО ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
(РЕЦЕНЗИЯ)**

Рец. на кн.: Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы): сборник переводов / под ред. Д.В. Ефременко; ИНИОН РАН, Отд. социологии и социал. психологии, Отд. политической науки: пер. с англ. В.Г. Николаева. – М.: ИНИОН РАН, 2023.

Для цитирования: Ковалев В.А. Хлеб вместо пирожных. Актуальные рекомендации из прошлого политической науки (Рецензия) // Политическая наука. – 2023. – № 4. – С. 284–297. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.12>

На фоне появления в России в течение трех последних десятилетий большого количества работ современных зарубежных авторов, перевод и издание классики социальной и политической науки продолжает оставаться актуальной задачей. В советский период отечественным специалистам было практически невозможно получить своевременно и из «первых рук» большую часть продукта западных экономистов, социологов, политологов и т.д. Причины идеологических запретов известны, и за семь советских десяти-

* **Ковалёв Виктор Антонович**, доктор политических наук, профессор кафедры философии и социально-политических наук, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия), e-mail: vant_2000@mail.ru

тилетий в отечественном интеллектуальном поле накопилось немало информационных лагун, связанных с недостаточным знанием и пониманием того, как в мире развивалась, в частности, политическая наука.

Проблема переводов для России имеет особое значение. Здесь существуют великолепные переводческие школы и трудятся настоящие профессионалы своего дела (что доказывает перевод текстов для рецензируемого сборника В.Г. Николаевым), но обратной стороной этого и наследием «железного занавеса» является крайне слабое знание иностранных языков, особенно для работников старшего поколения, которым нужны трансляции и обзоры зарубежных источников. Но и для гораздо лучше подготовленных в языковом отношении специалистов молодого поколения, при наличии Интернета и огромных баз данных, проблема выбора «научных тем» стоит по-своему еще более остро, ведь возможности мозга даже интеллектуала весьма ограничены.

Почему же тогда, в условиях информационного гиперизобилия, мы должны тратить драгоценное время на знакомство с текстами, давность публикации которых приближается к вековой отметке? Почему мы должны читать «чикагцев», разработки которых неоднократно подвергались разносторонней и обоснованной критике и которые сегодня считаются давно «устаревшими»? Значительная часть ответа для отечественной аудитории будет очень простой: потому что в свое время не прочитали (точнее, не было такой возможности), потому что чикагская школа – это пропущенный урок, который при дальнейшем повторении был усвоен весьма поверхностно. Так, многие российские коллеги при использовании тех или иных методов сбора и обработки данных, при использовании ряда теоретических концептов и т.д. даже не подозревают, что «говорят прозой» и не знают, что пользуются усовершенствованными наработками и подходами «чикагцев». Часто, и не только в данном примере, такое незнание «корней» приводит к теоретико-методологическому «легкомыслию» и исследовательским ошибкам¹. Помимо этого, такие серьезные лагуны в знакомстве с реаль-

¹ Что уж говорить о «практиках». Мне вспоминается забавный случай, когда при общении с одним провинциальным пиарщиком, в его рассуждениях о перспективе ведения местной избирательной кампании я с удивлением опознал черты двухступенчатой модели массовой коммуникации П. Лазарсфельда. Тот, разумеется, не принадлежал к чикагской школе, а наоборот критиковал упрощен-

ной историей развития социально-политической мысли, вместе с попытками ухватиться за последние «модные новинки», могут сыграть с исследователями, плохо знающими историю собственной дисциплины, неприятную шутку; ведь новое – это зачастую забытое старое. Не отвлекаясь на данный сюжет, заметим все же, что в конце XX в., когда Россия на некоторое время открылась миру, на слуху были многие имена западных авторов, которых скоропалительно возвели в ранг современных классиков и чьи идеи (не все, конечно) уже скоро не выдержали проверку временем. А вот теоретико-методологические и организационно-методические достижения основоположников «бихеовиориалистской революции» продолжают служить хорошей основой для значительной части политических исследований. Для многих политологов и социологов это, что называется, «хлеб насущный». Разумеется, это не значит, что нам не следует обращать внимания на достижения последующих этапов развития политической науки или игнорировать теоретическую «изысканность» некоторых последующих авторов. Но и старые парадигмы неправильно отбрасывать полностью, особенно с учетом состояния не только российской политической теории, но и, главное, наличных политических (или называемых политическими) практик. В этой связи заслуживают всяческого одобрения усилия ученых из Института научной информации по общественным наукам и руководителя проекта Д. Ефременко по расширению для российского политологического сообщества возможностей мультипарадигматического подхода, когда рассмотрение политических ситуаций через «фильтры» различных методологических направлений позволяет более глубоко и всесторонне анализировать политические проблемы.

Наряду с рецензируемым сборником здесь уместно вспомнить про сборник переводов авторов теории модернизации [Концепция модернизации, 2012]. Хотя эта теория уже давно была раскритикована вдоль и поперек и получила репутацию «устаревшей»¹, для нас многие положения теории модернизации

ную модель «волшебной пули». Но и про Г. Лассуэлла и др. многие господа «политтехнологи» никогда не слышали, хотя методы «подкожного впрыскивания» применяют в изобилии.

¹ Безусловно, мы не будем отрицать того, что теория модернизации во многих аспектах была весьма уязвима для критики. Сама необходимость такой критики сильно стимулировала развитие социально-политической теории, позволив многое понять

(не только в социально-экономическом, но и социально-политическом изводе) – это тот самый «хлеб», без которого многое другое представляется неуместным.

Еще одной важной причиной актуальности «Чикагской школы» является если не сходство, то очевидная параллель с 1920–1940-ми годами, когда «Чикаго-1» в политической науке переживала свой расцвет. Сегодня, конечно, не помогут прямые заимствования, но новизна в постановке вопросов и смелость мысли ученых чикагской школы в кризисной ситуации могут послужить примером, достойным подражания. Мы убеждены в том, что для политического ученого заниматься какой-то «спокойной ерундой», в то время как не решены актуальные и крайне опасные проблемы (а для исследователей «не решены» – значит «плохо исследованы»), то это является свидетельством не только идеологической «зашоренности» или морального конформизма, но и недостаточного профессионализма. Здесь гранды чикагской школы, которые были профессионалами высочайшего уровня не только для своего времени, показывают нам вдохновляющий пример.

Итак, в рассматриваемый сборник включены статьи и классические работы ведущих представителей чикагской школы политической мысли 1920–1940-х годов – Ч. Мерриама, Г. Лассуэлла, Г. Госнелла, Л. Уайта, чьи исследования оказали значительное влияние на дальнейшее развитие политологии. Большинство текстов переведены на русский язык впервые, несколько переводов публикуются в новой редакции.

Эти тексты продолжают оставаться интересными и сами по себе, но также в связи с ними возникает много интересных вопросов и «аллюзий». Открывают подборку, которую можно назвать «хрестоматией чикагской школы политологии», две работы, кото-

и переосмыслить по-новому. Но не стоит сбрасывать со счетов и то, что часто яростное неприятие теории модернизации или ее извода в виде «транзитологии» обусловлено не только и не столько научно-методологическими соображениями, сколько мировоззренческими особенностями сознания критиков. Говорить здесь только об «авторитарной личности» будет недостаточно, но, так или иначе мы видели и в прошлом и наблюдаем в настоящем активное неприятие ценностей Модерна под «пост-модернистским», «консервативным», «патриотическим» и др. *соусами*. Сила реакции и тяга к архаизации не только среди масс, но и в научном сообществе, были значительно недооценены, когда казалось, что гуманистические и либерально-демократические установки принимаются здесь «по умолчанию».

рые написал Ч.Э. Мерриам (1874–1953). Именно за ним закрепились слава основоположника и «мотора» данной научной школы в годы ее наибольших успехов. Успех этот во многом определялся новизной предложений, провозглашенных Чарльзом Мерриамом в его программной работе «Современное состояние изучения политики»¹. В тот период именно систематическая организация эмпирических исследований и сбор данных в области политики являлся актуальной задачей, значительный пласт новой информации требовал и новых способов обращения с ней, так что предложения Мерриاما по применению эмпирических методов для изучения политики выглядели тогда довольно новаторскими, хотя в «бихевиоралистском перевороте» и были элементы подражания другим, более развитым научным дисциплинам, прежде всего в области естествознания, но также в социологии или психологии.

Немаловажным здесь является вопрос, почему новаторская научная школа возникла именно в Чикаго и множество пионерных работ в области социологии, экономики и, в нашем случае, политической науке появилось именно здесь. Помимо собрания в одном месте множества талантливых исследователей, которые в своей работе взаимно стимулировали и обогащали идеями друг друга, сам город, где в конце XIX в. был открыт знаменитый университет, был самым настоящим «городом контрастов». Конечно, так можно сказать про многие города, но в Чикаго существующие противоречия были наиболее острыми и очевидными. Чикаго – это одно из «мест силы», влияющих на американскую национальную мифологию (наподобие Нью-Йорка, Сан-Франциско или Нового Орлеана), недаром же до сих пор про Чикаго снимают множество фильмов и сериалов. А в конце позапрошлого и начале прошлого столетия чикагская жизнь была ключом, но в связи с этой бурной жизнью и ряд социальных, расовых, национальных, классовых противоречий достигал огромной остроты, что называется, бросаюсь в глаза. Если использовать сравнение Макса Вебера, то Чикаго был похож на человека с прозрачной кожей, когда можно было лучше видеть, что находится внутри. Это определяло и повышен-

¹ Интересно сопоставить эту работу с огромным томом «Современных социологических теорий» П.А. Сорокина [Сорокин, 2020]. (Хотя со времени тех «современностей» прошло уже без малого столетие, работы классиков социологии и политической науки продолжают оставаться полезными и сегодня.)

ный интерес к социальным «язвам» со стороны общественности и исследователей, которым приходилось выходить «в поле», чтобы лучше понять и описать тот или иной конфликт. Бурная политическая жизнь в Чикаго, в которой тот же Ч. Мерриам принимал активное участие и как консультант, и как непосредственный участник, также стимулировал интерес к изучению политики и тому, что ее определяет.

Развитие чикагской школы (как в области социологии, так и политической науки) в значительной степени резонирует с так называемой эрой прогрессизма в США (1890–1920-е годы), для которой были характерны подъем социальных низов и среднего класса (с его новой важной ролью в системе социальной стратификации). Естественно, что такой интенсивный процесс вертикальной мобильности не мог не привести к значительным общественным изменениям. Они, в свою очередь, стимулировали интенсивные исследования в социально-экономической и политической сферах. Социология, политология и другие общественные науки продуктивно развиваются именно в прогрессирующем социуме. Напротив, если то или иное общество впадает в застой или, того хуже, архаизируется, то обществоведение в таких условиях представляет собой довольно жалкое зрелище. Конечно, любые социальные взаимодействия представляют собой интересный предмет для научного изучения, но мы бы рискнули предположить, что инволюционирующий или примитивизирующийся социальный объект более интересен социальному антропологу или историку (точнее, историческому социологу), нежели социологу или политическому ученому, в центре внимания которых находятся современные социальные проблемы, которые, конечно, тоже приводят к ряду кризисов. Но кризисы роста имеют иную природу, нежели кризисы дряхления и (само)деградации.

Мерриамовский доклад «Урбанизм» (1939) как раз и посвящен противоречиям прогресса и противоречиям в новой городской жизни в эпоху социальных и технических изменений, когда новые возможности для людей имеют своей оборотной стороной возросшие опасности энергичного городского существования. Но в связи с этим текстом удивление у наших читателей может вызвать повод, по которому этот доклад был произнесен, – десятилетний юбилей открытия корпуса социально-гуманитарных наук, который построили к 1929 г., для чего сам Мерриам приложил немало усилий. Осно-

ватель политологической школы был не только крупным ученым, политическим активистом, но и великолепным организатором и «добытчиком» средств для своих коллег и своих собственных проектов, используя, как и весь Чикагский университет, щедрость рокфеллеровского фонда. Это (как и сам принцип и способы распределения грантов) вызывало, конечно, противоречивую реакцию, но приносило полезные результаты. И это тоже важная составляющая, точнее, финансовый базис расцвета Чикагской школы (относящейся уже не только к Мерриаму с его учениками). Рокфеллеры, как и другие миллиардеры той эпохи, разбогатевшие на использовании новых технологических возможностей, были далеки от образцов моральной добродетели и часто для приумножения своего состояния прибегали к динамиту и пулеметам, жестоко подавляя своих конкурентов и работников. Совсем не зря эти бизнесмены получили тогда прозвище «баронов-разбойников». Тем не менее, накопив огромные средства, часть из них они направили на развитие культуры, науки и образования в своей стране. Этим они принципиально отличались от нуворишей в некоторых других странах, которые, помимо воровства, грабежей и коррупции были заняты вывозом своих капиталов подальше от родины. А вот фонды Рокфеллера, Карнеги, Форда до сих пор работают, направляя значительные средства на научные исследования в различных областях. Рассматриваемой нами чикагской школе тоже повезло с финансированием, без денег Рокфеллера ее успехи были бы значительно скромнее.

После Ч. Мерриама самым «вкусным» в сборнике являются, конечно, работы, автором которых является Гарольд Д. Лассуэлл (1902–1978). В итоге составители решили перевести и опубликовать его книгу «Политика: Кто достигает чего, когда и как?»

Сейчас, в период стремительного повышения формальных требований к научным публикациям (часто в ущерб их содержанию или вообще вместо него!) текст Г. Лассуэлла кажется очень нестрогим и даже несколько сумбурным. Но в книге обсуждаются вопросы, чрезвычайно важные для политического анализа. Нет смысла пересказывать содержание опубликованных работ, однако в случае Лассуэлла название его текста говорит само за себя. Ученый вообще любил представить проблему, разбивая ее на несколько важных вопросов (здесь для сравнения вспоминается, конечно, его пятивопросная модель коммуникации, когда наиболее подхо-

дящий способ описания коммуникативного акта состоит в том, чтобы ответить на следующие вопросы: Кто? Что сообщает? По какому каналу? Кому? С каким результатом?).

Ученый, таким образом, должен уметь правильно спрашивать, иначе возникает ситуация как будто из песни В. Высоцкого: «А мы все ищем правильный ответ, и не находим нужного вопроса». Именно так и часто в отечественной литературе, посвященной социально-политическим проблемам, самих этих проблем как раз и нет. Большое распространение получила «политология без политики», когда авторы пишут нечто наукообразное, игнорируя реальные проблемы, отвлекаясь как раз от тех вопросов, которые выносил в название своей работы Г. Лассуэлл. То есть устаревшая и очень «простая» четырехвопросная лассуэловская модель (кто достигает чего, когда и как?) в наших условиях выглядит труднодостижимой, без возможности и желания ее реализовать. Но без ответа на «насушные» вопросы, которые американский ученый сформулировал еще в прошлом веке, получаются «исследования ни о чем». К сожалению, нередко не только в студенческих работах, но и диссертациях, статьях или книгах авторы «не знают, о чем пишут» и демонстрируют непонимание проблем политики на уровне ее фундамента или «нулевого» этажа.

Гарольд Лассуэлл до сих пор остается одним из самых больших авторитетов в политической науке, а его статья «Гарнизонное государство», перевод которой тоже публикуется в сборнике, является, наверно, самой известной и дискуссионной работой знаменитого политолога. Текст из далекого 1937 г. зажил уже своей жизнью, и при несомненной узнаваемости черт «гарнизонного государства» многие критики (в частности, Р. Арон) не находят полного воплощения «гарнизонного государства» в реальности. Однако, как говорится, еще не вечер: вполне может оказаться, что «гарнизонная» модель найдет свое более полное воплощение в той или иной стране, когда «специалисты по насилию» будут творить произвол еще в более полных масштабах, чем описывал американский исследователь. Отметим также, что во вступительной статье к сборнику, написанной Д.В. Ефременко, содержится остроумное замечание о том, что «Гарнизонное государство» Лассуэлла образует как бы единый текст с другой знаменитой работой политолога о технике военной пропаганды. Эта книга также была переведена и издана в ИНИОНе [Лассуэлл, 2022].

Наблюдение очень меткое, но неполное. Несомненно, к «Гарнизонному государству» и «Технике пропаганды» следует обязательно добавить «Психопатологию и политику» того же автора. Возможно, содержащиеся там психоаналитические экскурсы и выглядят устаревшими, но, на наш взгляд, политические ученые, эксперты и комментаторы слишком часто и слишком сильно увлекаются рационализацией действий политиков, пытаются найти нормальную логику в «логике» безумия. Но всегда ли нужно это делать? Почему не реализовался очередной «план» того или иного политика? Потому что последний – психопат! И «Психопатология и политика» (ранее уже издана на русском языке) помогает не забывать об этом [Лассуэлл, 2005].

И еще о «Гарнизонном государстве». Конечно, Г. Лассуэлл отдает себе отчет в том, что раньше представителями власти были «солдаты», т.е. в широком смысле «специалисты по насилию» (недаром же до сих пор монархи любят щеголять в военной форме). Эти «солдаты» стали ограничиваться во власти только с развитием современных буржуазных государств, благодаря прогрессу науки и техники «вояки» отошли на второй план, и гораздо больше властных ресурсов сосредоточилось в руках специалистов по «торгу». Но это касается только развитых и цивилизованных стран. На периферии же цивилизации вожди и бандиты могли иметь власть, заимствуя для этого какую-то часть достижений прогресса, но в таких обществах и государствах сам научно-технический прогресс в широком масштабе был невозможен, хотя самые дикие автократии, во главе которых порой стояли и стоят натуральные маньяки и каннибалы, могли существовать довольно долго (по меркам продолжительности человеческой жизни). Однако настоящий кошмар материализация «гарнизонного государства» приобретает, когда диктатура получает в свои руки всю мощь современного научно-технического развития (наиболее яркий пример – это Третий рейх). И сегодня, в эпоху развития фантастических информационных технологий, нейросетей и прочего возникает угроза распространения высокотехнологичных «цифровых термитников» не только в региональном, но и в глобальном масштабе. Сам Лассуэлл, правда, в конце 1930-х годов больше писал о фармакологических средствах и инструментах пропагандистского промывания мозгов, но с тех пор арсенал, который могут использовать тоталитарные или авторитарные «гарнизонные государства», существенно

пополнился. Здесь опять вспоминается вопрос о распределении усилий политических исследований – сам автор «Гарнизонного государства», кстати, пишет о «перераспределении рабочего времени» политологов, которые, в силу угрозы распространения «гарнизонности», должны больше сосредоточиться на изучении существующих здесь опасностей, конечно, если они хотят сохранения либерально-демократических порядков, да и просто защиты возможностей своей работы и жизни. Это не только вопрос «технологий» – информационных, политических и др. – это проблема национальной и глобальной безопасности.

В сборнике также помещены интереснейшие работы, авторами которых являются Г.Ф. Госнелл (1896–1997) – «Политическая партия versus политическая машина» и Л.Д. Уайт (1891–1958) – «Политика и гражданская служба». Они посвящены взаимодействию политических партий и политических машин (Госнелл) и животрепещущим вопросам государственного управления (Уайт). В чем заключена особая актуальность данной тематики для отечественного читателя?

Так получилось, что в постперестроечный период с «политологией» в России научные, академические и стремящиеся к получению объективных данных исследования были связаны в сравнительно небольшой степени. Зато махровым цветом расцвели всяческие «политтехнологии», когда победа на выборах и «утопление» политических противников затмевали собой все остальное. В корпусе публикаций по-прежнему огромное место занимают работы по государственному и муниципальному управлению, где чисто юридические моменты доминируют безраздельно, без соотнесения, скажем, «буквы закона» с состоянием реальных политических и других практик.

Но, безусловно, политтехнологии, как выборные, так и управленческие, это очень важная тема для политических исследований, и здесь представители чикагской школы подают хороший пример. Тем более что они, начиная с Мерриама, были не кабинетными теоретиками, но прекрасно разбирались в реальной политической игре, будучи ее участниками или вовлеченными консультантами. Но исследователям из Чикаго удавалось «разводить» в своей работе теорию и практику, изучение политики и стремление к политическому успеху, а также ценности и факты.

Гарольд Ф. Госнелл затрагивает в своей статье непростую проблему: «Когда в политической организации преобладает элемент добычи, она называется политической машиной» (с. 299). Этот термин имеет немало негативных коннотаций. Наиболее известным примером, наверно, служит пресловутый Таманни-холл, который в начале прошлого века был своеобразным символом «политической машины», когда важные вопросы решались в узком кругу «избранных», а манипулятивные «политические технологии» довлели над демократическими практиками¹. Эти проблемы Г. Госнелл и разбирает в своей работе, анализируя участие церкви, газет, общественных объединений и партий. Но стремление только к «добыче» (мечта большинства «пиар»-контор!) разрушает национальную политику, тогда как демократия требует национальной консолидации вокруг значимых ценностей. Автор как раз и пишет о задачах политических партий по такого рода консолидации, особенно в стране с пестрым этническим составом населения, большим количеством эмигрантов, классовыми противоречиями и т.д. Циничные участники «политических машин» будут безжалостно обострять эти противоречия, и если их не ограничивать, то это приведет к разрушению доверия, и, как мы понимаем, к установлению диктатуры с декорацией из демократических процедур. Демократия же, наоборот, требует укрепления доверия, через развитие коммуникации между группами с объективно различными интересами. Можно сказать, что в этом и заключается одно из важных свойств государственного управления. Заметим, что социологи, социальные психологи и социальные работники, специалисты по связям с общественностью и публичной политике и т.д., которых в большом количестве выпускают наши университеты, должны получить свой широкий «фронт работ». Задача кадров именно с такой квалификацией – «наводить мосты», не доводить существующие противоречия до опасного антагонизма и т.п. В противном случае поддерживать подобие порядка в социуме

¹ «Общество Таммани – политическая ассоциация в Нью-Йорке, возникшая в конце XVIII в. и базировавшаяся в Нижнем Манхэттене в здании, получившем название “Таммани-холл”. В начале XX в. общество практически полностью определяло политику и подбор кандидатов от Демократической партии, а его название стало символом непрозрачных решений, коррупции и организованной преступности. Влияние Таммани резко пошло на спад в 1932 году после конфликта с президентом Рузвельтом» [Юдин, 2020, с. 101].

придется перехлестывающим через край бюрократическим администрированием и возникнет распространенная мечта о необходимости «железной руки» и призыве «специалистов по насилию», что не сулит ничего хорошего ни для граждан, ни для общества в целом, ни для перспектив государственного развития.

Название другой госнелловской работы «Статистики и политические ученые» говорит само за себя: статистический анализ – неперменная особенность работ по эмпирической политологии и это во многом тоже заслуга чикагской школы. Имя Госнелла менее известно, чем Мерриама или Лассуэлла, поэтому следует также обратить особое внимание на его статью «Символы национальной солидарности». Госнелл писал эту статью на патриотической волне, после вступления Америки во Вторую мировую войну, и анализировал социально-политические опасности для страны и нации, которые несут с собой военные тяготы. Опять-таки актуальность такой работы сейчас для РФ не вызывает сомнений, что лишний раз показывает потенциал чикагской школы, который можно использовать в отечественных исследованиях, но разбор этих вопросов – тема отдельного разговора.

Работа Леонарда Д. Уайта «Политика и гражданская служба» во многом рассматривает последствия закона Пендлтона (1880-е годы), который поставил пределы принципу «добыча принадлежит победителям», упорядочивая конкурсный прием на госслужбу и отбор чиновников по принципу заслуг и квалификации, а не в награду за услуги на выборах и проч. То есть здесь, как и в предыдущей работе, вопрос стоит не только о получении власти и должностей, но и об использовании их на благо общества и страны. Среди актуальных проблем Уайт рассматривает также вопрос о развитии демократических принципов государственной службы не только на федеральном уровне, но и на уровне штата и муниципалитетов, что является особенно важным вопросом для стран, где практикуется реальный федерализм.

В заключение еще раз подчеркнем актуальность выпущенного сборника переводов. Конечно, «критиковать» давно умерших авторов текстов, которые были написаны много десятилетий назад, не имеет смысла. О чикагской школе на русском языке написано текстов едва ли не больше по объему, чем опубликовано текстов самих рассматриваемых авторов. Но, как нам представляется, любой читатель, который интересуется политической

проблематикой, и тем более занимающийся политическими исследованиями, не пожалеет о времени, потраченном на сборник «Чикагская школа политической мысли (1920–1940-е годы)».

Стоит высоко оценить усилия составителя сборника Д.В. Ефременко и переводчика В.Г. Николаева и всех тех, кто готовил к выпуску эту полезную книгу.

V.A. Kovalev*

**Bread instead of cake. Current recommendations
from the past of political science (Review)**

For citation: Kovalev V.A. Bread instead of cake. Current recommendations from the past of political science (Review). *Political science (RU)*. 2023, N 4, P. 284–297. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2023.04.12>

References

- Lasswell H.D. *Psychopathology and politics*. Moscow: RAGS, 2005, 352 p.
- Lasswell H.D. *Propaganda technique in the World War*. Moscow: INION RAN, 2022, 236 p. (In Russ.)
- Sorokin P.A. *Contemporary sociological theories through the first quarter of the twentieth century*. Syktyvkar: Anbur LLC, 2020, 912 p. (In Russ.)
- The concept of modernization in foreign socio-political theory, 1950–1960: Collection of translations*. Moscow: INION RAN, 2012, 212 p. (In Russ.)
- Yudin G.B. *Public opinion, or the power of numbers*. Saint Petersburg: European University in St. Petersburg, 2020, 174 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории, 1950–1960 гг.: сб. переводов / ИНИОН РАН. Сост. и пер. Николаев В.Г. Отв. ред. Д.В. Ефременко, Е.Ю. Мелешкина. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – 212 с.
- Лассуэлл Г.Д. Психопатология и политика: монография / пер. с англ. Т.Н. Самсоновой, Н.В. Коротковой. – М.: Издательство РАГС, 2005. – 352 с.
- Лассуэлл Г.Д. Техника пропаганды в мировой войне: перевод с англ. / РАН. ИНИОН. Отд. политической науки, Отд. социологии и социальной психологии;

* **Kovalev Viktor**, Syktyvkar state university named P. Sorokin (Syktyvkar, Russia), e-mail: vant_2000@mail.ru

сост. и переводчик В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко; вступ. статья Д.В. Ефременко, И.К. Богомолова. – Издание второе, дополненное. – М.: ИНИОН РАН, 2022. – 236 с.

Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия) / пер. и сост. А.П. Конюхова и В.В. Сапова; вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2020. – 912 с.

Юдин Г.Б. Общественное мнение, или Власть цифр / Григорий Юдин. – СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб., 2020. – 174 с.